

После весенних празднеств на Горе Скрытого Дракона Ху Пэй стал в Золотой столице невероятно популярен.

Если раньше в Государственном университете его донимал только Сюаньюань Дуань, то теперь, посещая Великий золотой дворец, он всё чаще сталкивался и с другими принцами.

Император Сюаньюань Ди правил уже тридцать три года под девизом Дигэн. Разменяв шестой десяток, он имел десятерых сыновей и четырёх дочерей. В императорском роду, в отличие от простых семей, принцы и принцессы считались по отдельности.

По обычаям династии Сюаньюань, принцессы, выходя замуж за правителей провинций, меняли фамилию на Сюань. Что до принцев, то как только определялся наследник престола, все остальные братья перед его коронацией принимали фамилию Юань. Их отправляли в провинции, жалую титулы графов, виконтов или баронов. Они получали содержание за счёт местных налогов, но лишались реальной власти — не имели права вмешиваться в дела местных ведомств образования, армии и юстиции. Их потомки в трёх поколениях считались простолюдинами, и лишь после этого могли вновь поступить в Государственный университет, сдать экзамены и купить чин.

Первые трое принцев уже обзавелись семьями, открыли собственные резиденции и занимали важные посты. Четвёртый принц, хоть и нёс службу, отличался мягким нравом и до сих пор жил во Дворце Вечного Спокойствия, отведённом для неженатых наследников, а пятый принц ходил под началом князя Сюаня. Три старшие принцессы уже вышли замуж за влиятельных провинциальных чиновников и сменили фамилию на Сюань. Эти восемь человек глубоко пустили корни как при дворе Великой Чжоу, так и в провинциях, плетя интриги, заключая тайные союзы и создавая фракции для борьбы за власть.

Остальные — шестой принц Сюаньюань Юэ, седьмой Сюаньюань Буцзи, восьмой Сюаньюань Дуань, ещё совсем юные девятый и десятый принцы, а также едва научившаяся бегать маленькая четвертая принцесса Сюаньюань Цзи — могли рассчитывать на хоть какое-то влияние лишь после того, как определится судьба старших.

Сегодня Ху Пэй по приглашению Сюаньюань Дуаня отправился во Дворец Вечного Спокойствия.

Этот дворцовый комплекс служил обителью для принцев Великой Чжоу. Наследнику же полагалось жить во Дворце Небесных Тайн; оба комплекса располагались в восточной части Золотого дворца.

В личных покоях Сюаньюань Дуаня тот низко поклонился Ху Пэю и спросил:

— Пэй-лан, ответь мне искренне: как скрыть свой истинный блеск?

Ху Пэй знал о непомерных амбициях Сюаньюань Дуаня. Ещё при первой встрече в Государственном университете вежливый, равный поклон принца выдал его намерение сблизиться. За прошедший год с лишним Дуань ненавязчиво, но последовательно демонстрировал свой ум, благородство и скрытые цели. Стремился он к самому верху — к трону. И если он проиграет, то с воцарением нового императора его сошлют в глушь без права когда-либо вернуться в столицу. Участь худшая, чем у простого люда.

Обычный человек мог сдать экзамены в провинции, получить рекомендацию, отучиться в Государственном университете в столице и после финальных испытаний занять пост. Но потомкам лишившихся титула принцев с фамилией Юань три поколения запрещалось служить государству. И хотя это было укоренившимся правилом, далеко не каждый принц готов смириться с такой судьбой. До воцарения императора Дигэна правители династии Сюаньюань не отличались плодovitостью, поэтому сосланных ветвей Юань было мало, зато потомков принцесс с фамилией Сюань развелось великое множество. В недрах Великой Чжоу зрели невидимые миру семена раздора.

Ху Пэй по памяти набросал карту Великой Чжоу, которую когда-то видел в архиве, и произнёс:

— От севера до юга, от восточного побережья до подножия западных гор Юэло — Великая Чжоу делится на сорок пять провинций. В каждой провинции почти по сто тридцать округов. Округа делятся на уезды, те — на волости и деревни, коим и вовсе нет числа.

Сюаньюань Дуань взял рисунок и с удивлением спросил:

— Как тебе удаётся держать в голове столько деталей?

Ху Пэй прищурился и увёл разговор в сторону:

— Ваше Высочество, вы знаете, куда делись принцы былых времён?

— Кому, как не вашей семье Великих церемониймейстеров, знать об этом лучше всех? — улыбнулся Сюаньюань Дуань, откладывая карту.

— Династия Великая Чжоу зиждется на союзе меча и кисти, — заговорил Ху Пэй. — Первый император Сюаньюань Чжань с помощью бессмертных поднял войска на юге и захватил обитель жрецов — Восточную столицу богов, ныне зовущуюся просто Восточной столицей. Но знаете ли вы, почему на столь бескрайних землях наша империя не стала жаловать уделы вассальным князьям, а ввела систему провинций и округов?

Сюаньюань Дуань заложил руки за спину и подошёл к Ху Пэю, который был ему почти по плечо.

— Потому что при жрецах власть на местах принадлежала мелким священнослужителям,

подчинявшимся верховным жрецам. Если сравнить клан Фэн, стоявший во главе жречества, с ядром империи, то провинциальные жрецы были подобны удельным князьям. И когда власть Фэн рухнула, виной тому во многом послужило бездействие их многочисленных ставленников на местах.

— Верно. Стоило воинам и учёным поднять мятеж, как провинциальные стражи Черного Серпа потерпели сокрушительное поражение, а жрецы клана Фэн в Восточной столице даже не попытались сопротивляться. Такова расплата за раздачу власти на местах. Однако у старой системы было одно преимущество, — тонко улыбнулся Ху Пэй.

— Какое же? Неужели в тех древних порядках крылось что-то полезное? — удивился принц и жестом пригласил гостя к столу.

— Власть над умами, — ответил Ху Пэй, опускаясь за чайный столик. Он принял из рук Сюаньюань Дуаня пиалу и поставил её перед собой. — Жрецы управляли народом через веру. Стоило человеку, городу или целой области уверовать в своего жреца, как тот получал над ними абсолютную власть, сосредоточив в своих руках и законы, и мечи.

— Учёные мужи Великой Чжоу учли достоинства и недостатки жреческого строя. Они создали систему провинций, округов и государственных экзаменов для отбора чиновников. Но нашлось ли в этой схеме место для императорских отпрысков?

У Сюаньюань Дуаня внутри всё похолодело. Он пробормотал:

— Наш род никогда не славился многочисленностью, но и единственного наследника у нас никогда не было.

— На местах власть делят четыре ведомства: образования, финансов, правосудия и военного. Главы этих ведомств назначаются напрямую из Золотой столицы, а провинциальные чиновники формируют местную администрацию, где во главе стоят эти четыре управителя, опираясь на сотню подчинённых служб, — Ху Пэй дождался, пока принц кивнёт, и продолжил с улыбкой: — С момента основания Великой Чжоу в провинции сослали двадцать пять принцев и сорок пять принцесс.

— И что с того? — не понял Сюаньюань Дуань.

— Ровно сорок пять принцесс — по одной на каждую провинцию. Кровь династии Сюаньюань растеклась по всей империи. Добавьте к этому местных графов, виконтов и баронов... Обладая титулами, так ли они на самом деле лишены реальной силы? — Ху Пэй слегка коснулся пальцами пиалы, но пить не стал, не отрывая взгляда от нарисованной карты.

Сюаньюань Дуань резко поднялся, в его голове вспыхнула какая-то мысль, но тут же ускользнула. Он порывисто опустился перед Ху Пэем, забыв о своей привычной гордости принца:

— Пэй-лан, молю, объясни мне, в чём суть.

— Ничто не вечно под луной. Даже жреческая власть с её контролем над умами не смогла простоять вечно. Что уж говорить об императорском правлении, опирающемся на милость государя. За два века существования Великой Чжоу в каждой провинции осели императорские потомки, втихаря собирающие верные клинки. Начнут ли они действовать — вопрос лишь времени, — спокойно произнёс Ху Пэй, и его слова прозвучали подобно грому среди ясного неба.

Все эти сведения он кропотливо собирал сам: пользуясь влиянием своей семьи церемониймейстеров, он разузнал, где осели ветви Сюань и Юань, а перелётные птицы по всей империи довершили картину.

Сюаньюань Дуань потрясённо выдохнул. Но почти сразу в нём вспыхнул азарт — он почувал возможность.

— Ты хочешь сказать, что провинции попытаются захватить власть? Но разве это возможно?

"Если провинциальные ветви Сюань и Юань действительно замышляют мятеж, то моим старшим братьям больше не удастся вести скрытую борьбу. Всё мгновенно выйдет наружу", — лихорадочно соображал принц.

— Отчего же невозможно? — возразил Ху Пэй. — Все вы — кровь от крови рода Сюаньюань. В Золотой столице нет закона, по которому трон наследует исключительно старший сын. У каждого из детей императора есть шанс примерить корону. Всё зависит лишь от мудрости, добродетели и силы.

Ху Пэй с тихим смешком поднялся и посмотрел на принца:

— Ветер ярится, высь далека, плачут уныло в лесу обезьяны. Чисты пески у речной излучины, птицы кружат над водой... Ветер Золотой столицы уже приносит вести из дальних краёв. Вы сами спросили меня, как скрыть свой блеск. Скрывать — значит просто «ждать».

— Ждать? — Сюаньюань Дуань так и остался сидеть на гладком, как зеркало, обсидиановом полу, глядя на Ху Пэя. Его взгляд подернулся дымкой, мысли путались от нахлынувших чувств. Пальцы принца невольно дрогнули, но он тут же сжал кулаки, подавляя вспыхнувшую жажду власти. Он медленно улыбнулся: — Зачем просто ждать, когда можно разжечь пожар? Золотой столице не хватает одной лишь искры, чтобы заставить провинции поднять бунт и двинуть войска на столицу под предлогом наведения порядка.

Ху Пэй помрачнел и поспешил отвести взгляд. Пожалуй, такова доля всех, кто рвётся к высшей власти — они готовы идти по головам. Тот, кто, получив подсказку, зажигает этот факел, перестаёт быть человеком. Он превращается в жадного до власти демона.

Сюаньюань Дуань поднялся и низко, со всем почтением поклонился Ху Пэю в знак благодарности. Он хотел было удержать гостя на обед, но Ху Пэй вежливо откланялся, и принц лично проводил его до ворот Дворца Вечного Спокойствия.

Оставшись один, Ху Пэй неторопливо пошёл по величественным переходам Великого золотого дворца, чувствуя, как к горлу подкатывает глухая тоска.

Остановившись у башни Дэнлин возле Ворот Южного Процветания, он обернулся и посмотрел на грозные стены, покрытые черепицей, что отливала золотой чешуёй. В этих стенах когда-то погибла наложница Юань Фан. И он сам, едва отыскав подходящее младенческое тело для перерождения, почти расстался с жизнью следом за ней. Сколько грязных тайн хранит этот дворец? Пожалуй, больше, чем звёзд на ночном небе.

Ху Ян только что вышел из Управы Сиши и сразу заметил фигуру, стоявшую в неверном свете фонарей у башни. Разглядев младшего брата, он мигом позабыл о накопленной за день усталости и побежал навстречу:

— А-Пэй!

Ху Пэй мягко улыбнулся, глядя на рослого, полного сил брата и его простодушный вид:

— Шестой брат.

Ху Ян по-братски приобнял его за плечи и увлёк к выходу из дворца.

— Что ты так поздно? В канцелярии правого увещателя так много дел? К слову, я до сих пор в глаза не видел государя. Эх, досадно.

— Сильно устаёшь в Ведомстве государственных дел? — спросил Ху Пэй.

Он прекрасно знал прямолинейный нрав брата. Если бы Ху Пэй в своё время не посоветовал ему почаще показываться на глаза Чао Гану, тот до сих пор прозябал бы на какой-нибудь грошовой должности.

— Да нормально, — ответил Ху Ян, помогая брату подняться в карету, которой правил Ху Линь. — Господин Чао ценит мою службу и частенько хвалит. Вот только этот паршивец Ху Тан вечно отирается рядом со своей плетью. То работать мешает, то начинает смаковать подробности из допросных. Тьфу, жуть какая, кровь так и льётся.

Посмотрев на брата, Ху Пэй тихо спросил:

— Шестой брат, ты хочешь перевестись в другое ведомство?

— А? — Ху Ян на миг опешил, а затем виновато почесал затылок: — От Сяо Цзю ничего не скроешь. Служба-то хорошая, да вот жалованье курам на смех. Отдашь долю в семейную казну, выделишь матушке на карманные расходы, а ведь надо ещё Иньцы чем-то порадовать... К тому же, третий брат ведёт себя слишком уж вызывающе. Да и допросы эти... признаться, есть в них что-то захватывающее.

Ху Пэй мысленно вздохнул.

Жалованье в Великой Чжоу и впрямь было копеечным.

К примеру, Великий церемониймейстер получал в год всего сто двадцать пять ланей серебра — немногим больше десяти ланей в месяц. И хотя в роду Ху почти все мужчины служили чиновниками, большинство из них занимали мелкие должности с доходом меньше пяти ланей. Семейные расходы урезали как могли, слуг держали по минимуму. Однако в государстве, где превыше всего ценились приличия и конфуцианский этикет, львиная доля денег уходила на поддержание связей. Подарки коллегам, подношения наставникам, а также дары по случаю свадеб или рождения детей у знакомых — всё это пробивало огромную брешь в бюджете.

На праздники Чао Ган мог прислать гору заморских диковинок, но в ответ усадьбе Ху приходилось отправлять изделия из чистого серебра, купленные на живые деньги. Подаренные сокровища нельзя было продать или заложить — если даритель прознает, позора не оберёшься. Чистое имя для благородной семьи важнее жизни. А ведь были ещё траты на званые обеды. Отец, Ху Юньшэнь, умудрялся жить чрезвычайно скромно: не заводил фракций, не искал сомнительных знакомств и тихо занимался делами своего ведомства.

Но молодёжи, если они хотели продвинуться по службе, приходилось выходить в свет. С их жалованьем в четыре лани один приличный обед в ресторации подчищал все карманы. Как выживать? Приходилось тащить деньги из общего котла. А пошив одежды? Пусть господа и госпожи не носили изысканную парчу, обычный шёлк тоже стоил немало. Пока сыновья оставались холостыми, доходов усадьбы еле-еле хватало, но стоило им жениться и обзавестись детьми, как за жёнами тянулись вереницы служанок. Тут уж пиши пропало.

В прошлых поколениях род Ху не отличался многочисленностью, поэтому бедность так не бросалась в глаза. Теперь всё изменилось. Нужда заставила приспособливаться. Сначала первая госпожа Цзи Муюнь распродала часть своего приданого, чтобы открыть лавки, затем её примеру последовала госпожа Цзюйхэн из третьей ветви, а седьмая сестра, Ху Юньлин, и вовсе забросила учёбу ради торговли.

И это ещё усадьба Ху считалась коренной столичной знатью. Куда хуже приходилось чиновникам, приехавшим из провинций после экзаменов. Одна аренда жилья в Золотой столице могла пустить их по миру, а с учётом представительских расходов они мгновенно погрязали в долгах. Неудивительно, что при дворе цвело взяточничество и подношения. В конце концов, все любят красивую жизнь, а за неё нужно платить звонкой монетой.

Ху Пэй отогнал лишние мысли и кивнул:

— Защищать невинных и карать злодеев — дело благородное и приятное сердцу.

Однако тучи над двором сгущались, и Управа великого министра юстиции вскоре должна была превратиться в сущий ад, заваленный делами о заговорах без права обжалования.

Пока они ехали, Ху Ян так и не услышал от брата готового решения. Он был простоват, но не глуп: понимал, что перевёлся под начало Чао Гана всего полгода назад, и очередной прыжок с места на место сочтут верхом легкомыслия.

— Сяо Цзю, ты думаешь, в Управе юстиции плохо?

— Шестой брат, Великий министр юстиции — тесть третьего брата. А ты принадлежишь ко второй ветви семьи. Даже если ты переведёшься туда, тебе никогда не подняться выше Ху Тана. Подумай об этом, — мягко ответил Ху Пэй.

Ху Ян и сам понимал, какими слухами грозит этот перевод. Да и дело было не в самой работе, а в том, что скромный достаток его семьи не позволял ему соответствовать привычкам жены. Фань Иньцы привыкла ни в чём себе не отказывать. В своё время одна тарелка пирожных в Тереме Благословения и Долголетия стоила целое состояние. Теперь же, став замужней дамой, она тратила ещё больше — достаточно было взглянуть на тончайшую резьбу нефритовой подвески на поясе Ху Яна. Женские траты — вещь тонкая: порой жена покупает вещи не для себя, а для мужа, но кошелек всё равно пустеет. Женщина украшает себя ради любимого, а мудрая жена заботится о чести супруга.

Видя его терзания, Ху Пэй произнёс:

— Вместо того чтобы совать нос в застенки Управы юстиции, лучше усердно учись у Чао Гана. Тебе больше не нужно набивать себе цену. Покажи себя делом, и Чао Ган это оценит. Только так ты сможешь закрепиться в Управе Сиши и начать восхождение.

Ху Ян уныло хмыкнул. В сгущавшихся сумерках трудно было разглядеть его лицо, но Ху Пэй без труда читал мысли брата — тот всё ещё переживал из-за безденежья.

— Шестой брат, — со вздохом добавил Ху Пэй, — Чао Ган умён, но крайне самолюбив. Он терпеть не может подчинённых, которые пытаются превзойти его в остроумии. Твой козырь — честность и преданность. Работай на совесть, и твой звёздный час настанет. — Он на мгновение умолк, а затем серьёзно спросил: — Наша шестая сноха в Государственном университете считалась одной из самых ярких и умных девиц. Как думаешь, почему она выбрала именно тебя?

Ху Ян так и застыл. Вспомнив нежный, как весенняя вода, образ супруги, он пробормотал:

— Она куда умнее меня, всё схватывает на лету. А я... и чином не вышел, да и зарабатываю

меньше седьмой сестры. Мне даже пришлось просить Юньлин купить шпильку, чтобы подарить её Иньцы... Стыдоба...

Ху Пэй понимающе кивнул. Проблема была вовсе не в Фань Иньцы, а в уязвлённом мужском самолюбии шестого брата.

— С должностями нужно набраться терпения. На каждое место — один чиновник. Освободится вакансия — тогда и сделаешь шаг. Твоё дело — быть готовым. А что до денег... у тебя ведь есть седьмая сестра. Сейчас её торговые дела идут в гору, самое время вложить долю в её лавки.

Лицо Ху Яна мгновенно помрачнело, он схватился за голову:

— Думаешь, я не пытался? Иньцы раньше дружила с восьмой сестрой, а как вышла за меня — сразу спелась с седьмой. Вся её земля и лавки из приданого теперь крутятся в делах этой проныры Юньлин! И только я остался не у дел...

Ху Пэй не ожидал таких откровений о семейной жизни брата и едва сдержал смех, у него даже плечи затряслись. И правда — дуракам везёт. У этого простодушного увальня была деловитая сестра и любящая, умная жена, готовая прикрыть его тылы. Удивительное везение, от которого хотелось и плакать, и смеяться. Ху Пэй даже почувствовал себя глупцом из-за того, что так серьёзно пытался помочь ему решить надуманную проблему.

Так и не поняв, чем развеселил брата, Ху Ян обиженно засопел, когда Сяо Цзю, даже не попрощавшись, скрылся в дверях усадьбы. Слова Ху Пэя запомнились ему. Он понимал, что Чао Ган — хороший начальник, но на душе всё равно скребли кошки. Зарабатывать деньги приходилось Иньцы, а ему оставалось лишь добывать славу. Вот только со славой пока как-то не клеилось.

Вконец расстроенный и угрюмый, Ху Ян вздохнул и поплёлся в обход парадных ворот усадьбы Ху, решив войти через чёрный ход со стороны переулка.

<http://bllate.org/book/18313/1761968>